

УДК 643.37(091)(47)“194/202”
ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени (с XX в.)
03.61.21: Историческая антропология
DOI 10.35231/25422375_2021_4_32

М.В. Сухова

«Сохранить еду и память»: кладовые помещения в городских квартирах (1940–2020-е гг.)

Объектом исследования статьи стали хозяйственные помещения городских квартир, объединённые в типологическую группу «места хранения вещей», – от антресолей до кладовых и гаражей. Статья написана как антропологическое исследование и основана на полевых материалах автора, собранных методом устных бесед и наблюдений. Вторым типом источника стали фотоматериалы, собранные автором и включившие цифровые копии аналоговых снимков, собственно цифровые снимки и материалы, извлечённые из различных ресурсов сети Интернет. Хронологический период исследования, определённый возможностями источников, – с 40-х гг. XX в. до настоящего момента. В статье охарактеризованы основные типы кладовых в современных городских квартирах. Вопросы функциональности кладовых рассмотрены в антропологическом ракурсе взаимоотношения «человек – вещь», выделены разные режимы и стратегии хранения вещей.

Ключевые слова: повседневность, вещь, кладовая, хранение, память, функциональность вещи, вещь как субъект, символический статус вещи.

Mariya V. Sukhova

“To preserve food and memory”: storerooms in city apartments (1940s–2020s)

The article is written as part of the study of the everyday life phenomenon. The object of the article's research was the utility rooms of city apartments, united in the typological group “storage places”, from mezzanines to storerooms and garages. The article is written as an anthropological study and is based on the author's field materials collected by the method of oral conversations and observations. The second type of source was photographic materials collected by the author and included digital copies of analog images, actual digital images and materials extracted from various Internet resources. The chronological period of the study, determined by the possibilities of the sources – is from the 40s of the XX century to the present. The article describes the main types of storerooms in modern urban apartments. The issues of the functionality of storerooms are considered in the anthropological perspective of the relationship “man-thing”, different modes and strategies of storing things are highlighted.

Key words: everyday life, thing, storeroom, storage, memory, functionality of a thing, a thing as a subject, symbolic status of a thing.

Введение

Исследования феномена повседневности является одним из наиболее интересных направлений в современном социогуманитарном знании, какую сферу интересов ни выбрали бы авторы или читатели: историю, антропологию или социологию во всём многообразии их междисциплинарных связей. И это притом, что обыденность парадоксальна в своих проявлениях, сквозь нее проходит вся жизнь и судьба человека, просачивается история.

Повседневность наполнена вещами, которые, рассуждая о социологии одной двери, Б. Латур, назвал «не-человеками». Любой из них «и в самом деле антропоморфен», прежде всего потому, что сделан людьми, способен их замещать и формировать действия этих последних [14, с. 210]. Человек, создавая вещи, размещает их в пространстве сообразно функциональности статусу и смыслу, определяя границы и зоны распространения вещей. Отношения человека с вещью и к вещи рождают самые замысловатые материальные и символические конструкции. В данном контексте к ним можно отнести целый спектр хозяйственных помещений, типологически объединяемых в группу «места хранения вещей», – от антресолей до кладовых и гаражей. Они с достаточной степенью лёгкости обнаруживаются среди явлений культуры как деревни, так и города, причём с завидным хронологическим постоянством.

Эти своеобразные «фондохранилища» городского домашнего хозяйства и семейной истории способны стать и источником, и самостоятельным объектом внимания исследователей не в меньшей степени, чем фотоальбом или мемуары. При этом собственно кладовые помещения в городских коммунальных или отдельных квартирах не становились предметами специальных исследований. Среди авторов, хоть как-то связанных с исследованиями городского образа жизни и организации повседневного быта, в большей мере прослеживается интерес к феномену советского, в том числе коммунального, но не отдельного городского жилья.

Обзор литературы

Обращаясь к вопросу о степени исследованности разных аспектов заявленной проблемы, можно отметить, что обзор работ по теме неизбежно угрожает либо вырасти за приемлемые для публикации рамки, либо стремиться к нулю. Очевидно, что важным в рамках данной работы будет обратиться к характеристике принципиальных «точек роста». В качестве таковых выступают категории «повседневность» и «вещь». Как известно, одним из первых повседневность как объект исторического изучения стал рассматривать Ф. Бродель, отмечавший сопряжённость «большой» истории и её «едва заметных во времени и в пространстве» повседневных отражений. Для него повседневность – мимолётность, «эта материальная жизнь, повсюду присутствующая, повторяющаяся, всё заполняющая, протекает под знаком рутины», из

которой вырисовывается общество [7, с. 38]. Именно в силу своей рутинности она ускользает от рефлексии, теряя в глазах её носителей и участников историческую (исследовательскую) ценность.

В этом ключе любопытно проследить часто повторяющуюся реакцию информаторов на просьбу сфотографировать содержимое кладовой: «Так там не убрано! Я ж уберу сначала мусор-то весь. Как Вася [муж. – *Авт.*] умер-то в 91-м, так поди не залезала туда» (женщ., 1954 г. р.). Это и становится мотивом научной рефлексии исследователя. В поисках повседневности можно было бы обратиться к этнографической и антропологической категории быта, однако, по словам И.Б. Орлова, история повседневности изучает «жизненные проблемы и их осмысление современниками изучаемых событий. Другими словами, если этнограф реконструирует быт, то историк анализирует эмоциональные реакции людей в связи с тем, что их в быту окружает» [16, с. 6].

Исследования повседневности как историко-культурного феномена носят междисциплинарный характер. Это прослеживается не только в методологических основаниях, но и в типах и методиках сбора и презентации используемых источников. Значительная часть работ по вопросам изучения культуры повседневности опубликована в сборниках по социальной, культурной и визуальной антропологии, социологии и антропологии города и пр. В данном случае важен тот контекст в понимании повседневности, который их объединяет, а именно, что «повседневность проявляется через потребляемые вещи и людей, вовлечённых в практики их использования, через незначительные повторяющиеся обыденные детали» [19, с. 20].

Вещь – традиционный предмет интереса для этнографов, занимавшихся изучением проблем материальной культуры и размышлявших о функциональности вещи. С.А. Токарев в своей статье 1970 г. отмечал: «... этнографа вещи интересуют не сами по себе, а в их отношении к людям», поясняя при этом, что «для нас не столько даже важно знать отношение вещи к человеку или отношение человека к вещи, сколько отношения между людьми по поводу данной вещи» [18, с. 3]. «Материально выраженные вещи» рассматриваются здесь в их функциональной наполненности, анализируются как элементы материальной культуры, создающие более сложные системы, из которых состоит культура жизнеобеспечения. При этом процесс создания и использования всего вещного разнообразия носит адаптивный характер.

Как писали Э.С. Маркарян и С.А. Арутюнов, процесс адаптации общества к природной среде в конечном итоге «выражается в поселениях и образующих их жилищах, путём производства необходимых для поддержания жизни людей пищевых продуктов и одежды» [13, с. 36]. Вещи, наполняющие жилище, жилище (и хозяйственные постройки) как воплощение вещности – привычные объекты интереса этнографии – науки «про пищу, жилище и одежду» [2, с. 6]. Однако для современного этнографического понимания вещи как объекта интереса характерны существенные подвижки, что связано с изменением методологии. Вещь

поворачивается как в известной мифологической формуле «к лесу задом, ко мне передом», и речь идет о преимущественном «внимании к “контактной зоне” взаимодействия человека с вещью – зоне человеческих чувств, к которым апеллирует вещь. Именно здесь вещь приобретает вневещное, человеческое измерение» [3, с. 53].

Такое прочтение вещи относимо к области антропологического подхода, который фиксирует сам культурный факт оживления вещи, приписывания ей роли не-человека, способного «сопротивляться своему хозяину» и определять его отношение к вещи как к субъекту. Ж. Бодрийяр, фиксируя это состояние как характерное для массовой культуры, пишет: «Мы переживаем время вещей: я хочу сказать, что мы живём в их ритме и в соответствии с их непрерывной последовательностью» [4, с. 5].

Антропологический взгляд на вещь, освобождение от преимущественной функционалистской трактовки сущности вещи, признание за вещь статуса собеседника позволяет «“регуманизировать” простого <...> субъекта» [23, с. 48], для которого сохранение вещей – не только процесс выживания, но коммуникация, создающая новые смыслы и являющаяся результатом определённого выбора.

Материалы и методы

Источниковой базой для работы послужили материалы устных бесед с информаторами, которые датируются 2010–2021 гг. Общее количество информаторов – 42 чел. 1934–2000 г. р. Около 10 % всех респондентов имеют начальное образование, 52 % – среднее или среднее профессиональное, 38 % – высшее. Количество женщин-информаторов чуть большее, чем мужчин: 23 и 19 чел. соответственно. Этот факт определяется как демографическими особенностями, так и спецификой гендерной коммуникации. Важно, видимо, заметить, что половина информаторов родились и выросли в городе, половина переехали в город из сельских населённых пунктов в возрасте от 16 до 30 лет (как для советского, так и для и современного общества характерен высокий уровень миграций из деревни в город). Перемена образа жизни, как известно, порождает синкретичные культурные феномены, что едва ли не в первую очередь проявляется в способах организации городского домашнего хозяйства, отношения к вещи и с вещью, т. е. в основных культурных практиках.

Фотоснимки, ставшие базой исследования, – это коллекция копий аналоговых снимков, а также цифровые фото, которые количественно доминируют. Практически все аналоговые снимки, в отличие от цифровых, представляют собой изображения бытовых ситуаций или семейные портреты и не являются специально организованной съёмкой объекта. Фотофонд и материалы устных бесед дают возможность выделить некоторые типы и описать функциональность кладовых помещений в современных городских квартирах разного периода застройки – от 1940-х до 2020-х гг.

Результаты

Кладовые и кладовки – помещения, «где живут вещи», – можно найти почти в любой городской квартире. Было бы странным, если бы их там не было, поскольку их хозяйственная надобность очевидна. «Куда вещи-то складывать? Сколько их разных. Вот в город переехали, машину вещей привезли, а может, и две. А жена огурцы солит. В магазине не купишь. Ставить надо куда-то» (муж., 1934 г. р.). Однако речь не только об огурцах. Отмечу одну терминологическую и семантическую тонкость, имеющую прикладной характер. *Кладовая* и *кладовка* – слова, используемые информаторами, как правило, в разных контекстах и для обозначения отличающихся помещений. На это обращает внимание И.В. Утехин, когда пишет, что жильцы коммунальных квартир с конца 1980-х гг. различают кладовую и кладовку. Первая – это пустая, освободившаяся, «одна из худших» во всей квартире комната, куда и перемещается хлам. В некоторых квартирах элитной «сталинской застройки» есть небольшие комнаты площадью 3–4 м², с окном, используемые как хозяйственные помещения: «Мы купили эту квартиру в 2017 году, и я увидел эту комнату. Кто там жил в 1950-е? Это была комната для прислуги!» (мужчина, 1957 г. р.). Сейчас эта комната используется как полноценное хозяйственное помещение (рис. 1). «...Кладовка – совсем другое помещение, гораздо меньших размеров и без окна, зачастую примыкающее к кухне» [20, с. 51]. Кладовки, включённые в планировку квартиры как маленькие комнаты, но без окон, можно отыскать в городских квартирах разного периода застройки – от 1950-х гг. до настоящего времени. Любопытно, что для наименования и кладовых, и кладовок использовалась одинаковая символика. Кладовые И.В. Утехина фигурируют под именем «чёрные комнаты», а в детских воспоминаниях информаторов слышим: «У нас в квартире была кладовка, дверь в неё прямо из комнаты была. Там не было света, мы называли её “тёмная комната”» (женщ., 1975 г. р.) (рис. 2).

Рис. 1. Кладовая комната с окном в квартире, г. Глазов.
Фото автора, 2021 г.

Рис. 2. «Тёмная комната» (кладовка) в квартире, г. Глазов.
Фото А.А. Тугбаевой, 2020 г.

Внешне, типологически и, как увидим, функционально близки к кладовкам *встроенные шкафы*, которые за время существования квартиры пережили несколько ремонтов. Они могут располагаться в конце коридора или прихожей, у стены или в нише (рис. 3). Такие шкафы, как правило, имеют не только внутренние полки, но верхний ярус может иметь отдельные дверцы. «Однажды у этого шкафа сломалась щечка, и как раз, как я выхожу из кухни – дверца бац! – отлетает, вся рухлядь на меня и вывалилась» (муж., 1980 г. р.). Сейчас в попытках расширить жилую площадь встроенные шкафы часто убираются, многим из них придаётся модернизированный вид, например, старые двери заменяются на новые двери-купе.

Рис. 3. Встроенный шкаф в коммунальной квартире, Москва.
Фото Д.В. Сухова, 2021 г.

В качестве кладовой традиционно используются *балконы* и *лоджии*. Для начала балкон застекляется. «Какая от него польза, если не поставить рамы? Зимой холодно, лыжи туда можно поставить. У нас в туалете места нет. Мы лыжи на балконе держим» (муж., 1953 г. р.). Рекомендации по оформлению кладовки на балконе или лоджии можно

найти почти на любом тематическом ресурсе, которые бодро советуют: «Если балконная жизнь не для вас, тогда берите в руки дрель и сверлите – полки позволят хранить на балконе больше вещей» [8] (рис. 4).

Рис. 4. Шкаф в лоджии городской квартиры, г. Глазов.
Фото автора, 2019 г.

В домах, застройка которых относилась к 1960-м гг., часто можно встретить встроенные *холодильные камеры*, помещённые под окном на кухне. Они предназначались для хранения продуктов в отсутствие холодильников, в широком быту закрепившихся позднее. Сейчас такие камеры хранения бытуют в основном в двух вариантах: как холодильники, и в этом случае отверстие в задней стене камеры остаётся открытым, и как обычные шкафы. Во втором случае отверстие в задней стенке шкафа заделывается при ремонте или «мы его просто тряпкой заткнули. Чего стесняться-то?» (женщ., 1965 г. р.). Однако в обоих вариантах внешний и внутренний вид камеры осовременивается (рис. 5).

Рис. 5. Шкаф-холодильник под окном кухни, г. Глазов.
Фото А.А. Тугбаевой, 2020 г.

Антресоли появляются чаще всего в квартирах с высокими потолками. Они могут быть встроенными, в этом случае всегда имеются

дверцы. Однако и открытые антресоли встречаются нередко. «Мама их делала почти сама, какие тут дверцы!» (женщ., 1959 г. р.). Близки к антресолям навесные шкафы, однако только те, которые находим не в жилых помещениях. Такие шкафы обычно не входят в мебельный гарнитур и навешиваются в туалете, прихожей. «Папа делал этот шкаф, когда мы купили новый кухонный стол. Так что дверцы этого шкафа – бывшие дверцы кухонного стола!» (женщ., 1980 г. р.) (рис. 6).

Рис. 6. Полка-антресоль в коммунальной квартире, Москва.
Фото Д.В. Сухова, 2020 г.

Среди кладовых помещений в городской квартире можно отыскать те, которые функционально и по внутренней структуре соответствуют уже отмеченным вариантам, однако имеют одно принципиальное отличие: они вынесены за пределы основного жилища. К таким кладовым можно отнести чердаки, подвалы, гаражи, дровяные сараи. Строго говоря, *чердак* в городском многоквартирном доме крайне редко используется как хозяйственная кладовая – в силу требований безопасности, по причинам вполне материального или символического характера.

В жилых домах ранней застройки – 1950–1960-х гг. – для хозяйственных нужд жильцов часто выделялся подвал, который был поделён на маленькие камеры в соответствии с количеством квартир в подъезде. Надобность «лезть наверх» отпадала. Кроме того, подвал в городском доме легко сопоставляется с подполом / подпольем деревенского дома – обычного места хранения, в особенности для недавних мигрантов из деревенской культуры. В 1990-е гг. ситуация с чердаком дополнялась в некоторых случаях появлением новых «пограничных» персонажей городской повседневности и мифологии. «Там на чердаке жили бомжи, что там сохранишь? Они вообще не от мира сего» (женщ., 1979 г. р.); «Мы боялись бомжей, когда были маленькие. Страшные и лохматые. Воняют противно. Танька говорила,

что в соседнем доме они убили мальчика и исчезли» (женщ., 1990 г. р.). Однако символически чердак – та самая кладовка, где хранятся старые, ненужные вещи, часто имеющая позитивную коннотацию.

Так, в одной из публикаций, посвящённых анализу некоторых явлений российской блогосферы, в качестве объекта исследования находим «ностальгический сегмент российской блогосферы», базирующейся на платформе ЖЖ – «http://community.livejournal.com/cherdak_ussr/, “это чердак СССР, вещи из прошлого. Большая барахолка ушедшей эпохи. Тут вещи, 99 % которых уже сгорело на свалках СССР. Те крохи, что ещё удастся найти, мы тащим сюда на чердак, чтоб посмотреть, вспомнить и улыбнуться”» [1, с. 90, 91].

Возвращаясь к кладовым в *подвалах* многоквартирных домов, необходимо отметить, что именно они чаще использовались как места хранения старых вещей, хлама, пищевых запасов, заботливо выращенных на дачах. Здесь до сих пор можно обнаружить деревянные сундуки и прялки, вывезенные в середине XX в. из родительских деревень, что в городской культуре смотрится совершенно ирреалистично, если только «ты не в музее или не в дизайнерском отеле» (женщ., 1975 г. р.). В некоторых случаях можно набрести на истории, связанные с этими хранилищами и становящиеся элементом семейной драматизации. В этом случае спуски в подвал за картофелем выглядит как путешествие в прошлое, спуск Орфея в Аид – поскольку маркируется движением вниз, где к тому же кто-то (?) «постоянно выкручивает или бьёт лампочки. Советские времена дефицита давно прошли. Зачем воровать лампу?» (муж., 1980 г. р.) (рис. 7).

Рис. 7. Кладовые помещения в подвале в городского дома, г. Глазов.
Фото автора, 2021 г.

Культурный статус, функциональность и символика *гаража* в городской культуре многообразна настолько, что этот сюжет можно посчитать предметом отдельной работы. Здесь однако уместно

обратиться к некоторой специфике гаража как хранилища. В значительном количестве случаев гараж не просто расположен за пределами жилища, он удалён настолько, что путь к нему становится отдельным походом или поездкой. Понятно, что такая ситуация – следствие целого ряда факторов, связанных с социальной, демографической и жилищной политикой в СССР. Остап Бендер в корне ошибался, утверждая, что автомобиль не роскошь, а средство передвижения: раннесоветские коммунальные идеи, экономика дефицита не предполагали стремления человека к достижению материального благополучия, пытались лишить вещь легитимности, свести число повседневных потребностей к минимуму.

Гаражи не входили в планы городских застроек, по крайней мере, в комплексе с городскими многоэтажками их начали строить поздно. В силу этого значительная часть гаражных кооперативов вынесена на окраины городов, и за огурцами, помидорами и прочими домашними заготовками ездили и ездят в выходной или в свободное время. Гараж – чаще всего выраженное гендерное, мужское пространство. Это место размещения стандартного «мужского набора» инструментов, которые могут находиться как в постоянном, так и в длительном хранении (рис. 8).

Рис. 8. Хозяйственные полки в гараже, г. Глазов. Фото автора, 2020 г.

Функциональность всего спектра кладовок и кладовых связана прежде всего с хранением вещей. Однако дополнительно кладовые в городских квартирах использовались и используются как подсобные рабочие помещения, для занятий хобби, как жилые детские комнаты – особенно при перепланировках, ремонтах и перестановках в условиях нехватки жилых площадей. «Я спал в кладовке. Но это была моя отдельная комната. Правда, до того, как там поставили мою кровать, папа проявлял там фотографии» (муж., 1978 г. р.). Нередко в таких кладовых помещали детский кабинет – стол и книжные полки. «Тёмные» комнаты

и кладовые – отличное место для детских игр, нежилое и потому укрытое само по себе, почти заброшенное и заполненное всяким интересным «мусором». «Больше всего мы с сестрой любили играть под столом и в кладовке напротив кухни. Мы там даже спали. По-игрушечному, конечно. Искали клад: сами спрятали, сами и искали» (женщ., 1998 г. р.).

Хранение вещи носит разный характер, что зависит от цели хранения или использования вещи, её состояния. Однако во всех случаях помещение вещи в кладовку, кладовую и тем более высоко под потолок на антресоль – это перемещение на периферию жилого пространства и изменение статуса. Хранение может быть актуальным. Это случается с теми хозяйственными предметами, которыми человек пользуется ежедневно или очень часто (бытовая утварь, моющие средства, техника, некоторые виды пищи). Такие предметы чаще ставятся «близко к краю», чтобы было легко достать. Грамотно и удобно расположить хозяйственный инвентарь в городской квартире вообще не просто. «До сих пор не могу решить, где удобнее держать ведро и тряпку. В кладовке нельзя, пальто испортишь, в ванной места нет. Остался балкон» (женщ., 1977 г. р.).

Периодическое хранение вещей в кладовой и кладовке определяется разными причинами: это могут быть сезонные и крупногабаритные вещи, включая одежду, лыжи, детские санки, велосипеды, новогодние ёлки, стеклянные банки. Видно, что эти вещи используются редко или в особых случаях. На антресолях можно найти закинутый туда до сезона «рыбацкий такой железный ящик. Там у него [отца. – Авт.] всё лежит. Мормышки, спиннинги, дребедень, коробочки для червей. А если упадёт сверху?» (женщ., 1999 г. р.). «В нашей кладовке в коридоре стояла стиральная машина «Ока». На крышку я складывала шапку и шарф, пальто вешала выше. Машину доставали для стирки и ставили в коридор перед ванной. Мы тогда ещё с соседями жили» (женщ., 1975 г. р.). Здесь же по полкам расставляются все домашние консервы и заготовленные на зимний сезон продукты, вплоть до висящих пучками мяты и душицы. Дизайнерское оформление кладовых с рядами живописных банок, перетянутыми бечёвкой, бутылок с домашним вином, этикетками в купе с богатым хозяйственным инструментарием прочно вошло в моду как один из трендов организации современного домашнего хозяйства.

На «вечное хранение» в кладовые помещаются, как правило, старые вещи, потерявшие свои основные функции: испорченная или не по размеру одежда и обувь, сломанные предметы разного назначения, игрушки, виниловые диски, посуда и т. д. Сохранение устаревших, сломанных или ненужных предметов понятно самому хранителю в той мере, в какой он хранит память о каждой вещи или группе вещей. К мемориальному хранению могут быть определены как сломанные, так и

вполне целые предметы: главную роль здесь играет тот факт, что вещь вызывает воспоминание и эмоцию, переставая выполнять первичную функцию и превратившись в своего рода музейный экспонат. Здесь возникает ситуация, когда вещь, вырвавшаяся из-под власти хозяина, сама «управляет ситуацией», определяя поведение человека и свою дальнейшую судьбу.

Неиспользуемые в активной практике вещи по статусу приближаются к мусору, который должен быть выброшен, исторгнут «из сферы культурного назад, в сферу природного» [15, с. 262]. В этом смысле хлам на антресолях, мусор, как замечают О. Бредникова и О. Ткач, «опасность и зло, то, что следует скрывать и от чего необходимо избавляться» [6, с. 350]. В таком «захламлении» кладовки видится та «неупорядоченность инфраструктуры, которая является её неотъемлемым свойством» [21, с. 142]. Каждый раз избавляясь от хлама в кладовке, мы упорядочиваем пространство, пытаюсь сделать его управляемым и нестрашным. Однако «надолго ли собаке блин»?

Старые вещи с антресолей и кладовок часто используются в домашнем хозяйстве вторично, например, после ремонта или реставрации. Такое отношение к вещи и с вещью, безусловно, определяется имущественными показателями владельца вещи, привычным способом обращения с вещью. Эта консервативная стратегия по сути стратегия выживания вещи в мире человека и человека в мире вещей: «...поломка, износ, ветхость – не повод отказываться от старого доброго предмета» [17].

Вторую жизнь многие старые вещи проживают в качестве тряпок, «которых вечно не хватает или их много, но не те», и это снижение статуса. Однако старые вещи нередко формируют новые смысловые системы и приобретают новые значения в процессе творческой переделки и переосмысления. «Так у нас на ёлке появились ключи, которых в жестяной коробке валялось штук двадцать» (женщ., 1996 г. р.). Этот вариант проживания в некоторых случаях отнесён к так называемой «стратегии вынужденного или добровольного сосуществования со старыми вещами» [10, с. 108].

Старые вещи могут попасть на витрину комиссионного магазина или на блошиный рынок. «Это место, где мусор становится товаром, а товар мусором. То, что годами лежало на антресолях, стояло в гараже или было найдено на помойке, приобретает на рынке меновую стоимость» [5]. Символика блошиного рынка, по мнению некоторых авторов, с его многообразием ненужных, но привлекательных вещей в метафизическом освобождении, преобразении и вещи, и человека [22]. Однако «освобождённая» вещь, очевидно, пребывает в таком состоянии только до момента покупки.

Проблема организации хозяйственного пространства в городской квартире – одна из самых любопытных как в исследовательском, так и

в прикладном плане. Индустриальный город ограничивает право человека на подсобное помещение / кладовку – будь то город-коммуна, город с развитой системой общепита и спальными районами, которые не предполагают развитого домашнего быта, или город, застроенный малогабаритными «хрущёвками». Поэтому в квартирах 1960–1980-х гг. кладовки найти можно, а кладовые – не всегда. Цифровой город доставки продуктов на дом формирует открытый тип квартиры, в моду входит квартира-студия, где кладовку прислонить некуда. Вещи часто складываются в декорированные коробки и ставятся на открытые полки деревянных стеллажей, которые можно купить в соседнем супермаркете ИКЕА (рис. 9). Этот процесс сопровождается изменением характера отношений между человеком и его вещами, которые он хранит или сохраняет: «Если в традиционной культуре ощущение уюта и комфорта вызывали старые обжитые вещи, то теперь – новые. Привязанность возникает даже не к ним, а к самому процессу обновления» [12, с. 48]. В подобной ситуации, видимо, можно согласиться с идеей существования нескольких хронологически и генетически связанных режимов отношения людей к вещам. Современный режим характеризуется именно тем качеством, при котором вещи «обеспечивают комфорт, но не могут заполнить жизнь человека, они остаются нужны ему, но их нельзя больше накапливать» [9, с. 64].

Рис. 9. Стеллаж с вещами в городской квартире-студии, Санкт-Петербург.
Фото А.В. Ившина, 2021 г.

Выводы

Эволюция культуры изменяет отношение человека с вещью. «Современная идеология, “освободив” непрагматические значения вещей, сделала возможной реализацию не только «свободы в вещах», но и альтернативных способов использования вещей в повседневной

жизни» [11, с. 66]. Однако и в этой ситуации кладовые продолжают сохранять функциональность как «места, где хранится всё, что нужно: еда и память» (муж., 1996 г.р.). Как видно, кладовые играют не только утилитарную функцию, но являются местом концентрации воспоминаний, что зависит от типа сохраняемой вещи. В городской традиции достаточно разнообразной остаётся и типология хозяйственных кладовых, которые можно ранжировать в зависимости от их расположения, размера, особенностей назначения.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н. «Советский чердак» российской блогосферы: анализ ностальгических виртуальных сообществ // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2011. – Т. 5. – № 6. – С. 88–102.
2. Арутюнов С.А. От спокойной к ускользящей материальности: о проблемах этнографического изучения материальной культуры // Этногр. обозрение. – 2011. – № 5. – С. 5–19.
3. Баранов Д.А. Об этнографическом измерении материальности // Петербург. слав. и балкан. исслед. – 2018. – № 2 (24). – С. 36–56.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е.А. Самарской. – М.: Республика, 2006. – URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3464> (дата обращения: 12.10.2021).
5. Бредникова О., Кутафьева З. Старая вещь как персонаж блошиного рынка // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 32 (34). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/staraya-veshh-kak-personazh-bloshinogo-rynka.html> (дата обращения: 10.11.2021).
6. Бредникова О., Ткач О. «Грязная деревня» и «замусоренный город» (обыденные практики обращения с мусором в разных сообществах) // Антропол. форум. – 2008. – № 8. – С. 338–352.
7. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Прогресс, 1986. – 617 с.
8. Где хранить вещи – старые или ненужные. – URL: <https://cherdak.io/blog/articles/gde-hranit-veshi-starye-ili-nenuzhnye/> (дата обращения: 01.10.2021).
9. Голофаст В.Б. Люди и вещи // Социол. журн. – 2000. – № 1/2. С. 61–69.
10. Елютина М.Э., Иванова А.Д. Повседневные практики использования и утилизации вещей // Социол. исслед. – 2014. – № 2. – С. 107–115.
11. Ечевская О. «Свобода в вещах» или «свобода от вещей»: значения вещей в практиках повседневной жизни // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре: сб. ст. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – С. 49–66.
12. Ильин А.Н. Тенденции перманентного обновления вещей в условиях потребительского общества // Филос. и о-во. – 2016. – № 1. – С. 34–52.
13. Культура жизнеобеспечения и этнос / отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 319 с.
14. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей / под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 199–223.
15. Левинсон А. Опыт социографии: ст. – М.: Нов. лит. обозрение, 2004. – 664 с.
16. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. – М.: Изд. дом Гос. ун-та; Высш. шк. экон., 2010. – 317 с.
17. Орлова Г. Антропология странной вещи: маленькие хитрости советского человека // Неприкосновенный запас. – 2004. – № 32 (34). – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/apologiya-strannoj-veshhi-malenkie-hitrosti-sovetskogo-cheloveka.html> (дата обращения: 10.11.2021).

18. Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // Совет. этногр. – 1970. – № 4. – С. 3–17.
19. Трубина Е. Видимое и невидимое в повседневности городов // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. – М.: Вариант; ЦСПГИ, 2009. – С. 17–44.
20. Утехин И. В. Очерки коммунального быта. – М.: ОГИ, 2004. – 277 с.
21. Утехин И.В. Взаимодействие с «умными вещами»: введение в проблематику // Антропол. форум. – 2012. – № 17. – С. 134–156.
22. Шипулина Н.Б. и др. Антропология вещи в городской культуре: концептуальные основы и поиск метода. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та упр. – фил. ФГБОУ ВО РАНХИГС, 2016. – 166 с.
23. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ. – М.: Нов. лит. обозрение, 2014. – 664 с.

References

1. Abramov R.N. "Sovetskij cherdak" rossijskoj blogosfery: analiz nostalgicheskikh virtual'nyh soobshchestv [The "Soviet Attic" of the Russian blogosphere: an analysis of nostalgic virtual Communities]. Interakciya. Interv'yu. Interpretaciya – Interaction. Interview. Interpretation. – 2011. – Vol. 5. iss. 6. – P. 88–102 (In Russian)
2. Arutyunov S.A. Ot spokojnoj k uskol'zayushchej material'nosti: o problemah etnograficheskogo izucheniya material'noj kul'tury [From the Still to a Fleeting Materiality: On the Issues in Ethnographic Study of Material Culture] // *Etnograficheskoe obozrenie* – Ethnographic Review. – 2011. – Iss. 5. – P. 5–19 (In Russian)
3. Baranov D.A. Ob etnograficheskom izmerenii material'nosti [On the ethnographic understanding of materiality] // *Peterburgskie slavyanskije i balkanskije issledovaniya* – Petersburg' Slavic and Balkan Studies. – 2018. – Vol. 2 (24). – P. 36–56 (In Russian)
4. Bodrijar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer society. Its myths and structures]. Moscow: Respublika, 2006. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3464> (accessed 12.10.2021) (In Russian)
5. Brednikova O., Kutaf'eva Z. Staraya veshch' kak personazh bloshinogo rynka [An old thing like a flea market character] // *Neprikosnovennyj zapas* – An inviolable reserve. 2004. – Iss. 32 (34). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/staraya-veshh-kak-personazh-bloshinogo-rynka.html> (accessed 10.11.2021) (In Russian)
6. Brednikova O., Tkach O. "Gryaznaya derevnya" i "zamusorennij gorod" (obydennye praktiki obrashcheniya s musorom v raznyh soobshchestvah) ["Dirty village" and "littered city" (common practices of waste management in different communities)] // *Antropologicheskij forum* – Forum for Anthropology and Culture. 2008. – Iss. 8. – P. 338–352 (In Russian)
7. Brodel' F. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe [Structures of everyday life: possible and impossible]. – Moscow: Progress, 1986 (In Russian)
8. Gde hranit' veshchi – starye ili nenuzhnye [Where to store things – old or unnecessary]. URL: <https://cherdak.io/blog/articles/gde-hranit-veshi-starye-ili-nenuzhnye/> (accessed 01.10.2021)
9. Golofast V.B. Lyudi i veshchi [People and things] // *Sociologicheskij zhurnal* – Sociological Journal. – 2000. – Iss. 1/2. – P. 61–69 (In Russian)
10. Elyutina M.E., Ivanova A.D. Povsednevnye praktiki ispol'zovaniya i utilizacii veshchej [Everyday practices of using and disposing of things] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological Studies. – 2014. – Iss. 2. – P. 107–115 (In Russian)
11. Echevskaya O. "Svoboda v veshchah" ili "svoboda ot veshchej": znacheniya veshchej v praktikah povsednevnoj zhizni ["Freedom in things" or "freedom from things": the meanings of things in the practices of everyday life] // *Lyudi i veshchi v sovetskoj i*

postsovetskoj kul'ture [People and things in Soviet and post-Soviet culture]. – Novosibirsk: Novosib. gos. un-t Publ, 2005. – P. 49–66 (In Russian)

12. *Il'in A.N. Tendencii permanentnogo obnovleniya veshchej v usloviyah potrebitel'skogo obshchestva* [Trends of permanent renewal of things in the conditions of consumer society] // *Filosofiya i obshchestvo* – Philosophy and Society. – 2016. – Iss. 1. – P. 34–52 (In Russian)

13. *Kul'tura zhizneobespecheniya i etnos* [Life support culture and ethnicity]. – Erevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1983 (In Russian)

14. *Latur B. Gde nedostayushchaya massa? Sociologiya odnoj dveri* [Where is the missing mass? Sociology of One Door] // *Sociologiya veshchej* [Sociology of things]. – Moscow: Territoriya budushchego, 2006. – P. 199–223 (In Russian)

15. *Levinson A. Opyt sociografii* [Experience of sociography]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004 (In Russian)

16. *Orlov I.B. Sovetskaya povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of its formation]. – Moscow: Izd. dom Gos. un-ta Vyshej shkoly ekonomiki, 2010 (In Russian)

17. *Orlova G. Antropologiya strannoj veshchi: malen'kie hitrosti sovetskogo cheloveka* [The Anthropology of a Strange Thing: the Little Tricks of the Soviet Man] // *Neprikosnovennyj zapas* – An inviolable reserve. 2004. – Iss. 32 (34). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2004/2/apologiya-strannoj-veshhi-malenkie-hitrosti-sovetskogo-cheloveka.html> (accessed 10.11.2021) (In Russian)

18. *Tokarev S.A. K metodike etnograficheskogo izucheniya material'noj kul'tury* [To the methodology of ethnographic study of material culture] // *Sovetskaya etnografiya* – Soviet Ethnography. – 1970. – Iss. 4. – P. 3–17 (In Russian)

19. *Trubina E. Vidimoe i nevidimoe v povsednevnosti gorodov* [Visible and invisible in the everyday life of cities] // *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual Anthropology: Urban Memory Maps]. – Moscow: Variant, 2009. – P. 17–44 (In Russian)

20. *Utekhin I.V. Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on communal life]. – Moscow: OGI, 2004 (In Russian)

21. *Utekhin I.V. Vzaimodejstvie s «umnymi veshchami»: vvedenie v problematiku* [Interaction with “smart things”: an introduction to the problems] // *Antropologicheskij forum* – Forum for Anthropology and Culture. – 2012. – Iss. 17. – P. 134–156 (In Russian)

22. *Shipulina N.B. Antropologiya veshchi v gorodskoj kul'ture: konceptual'nye osnovy i poisk metoda* [The Anthropology of Things in Urban Culture: Conceptual foundations and the Search for a Method]. – Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo instituta upravleniya, 2016 (In Russian)

23. *Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (In Russian)